

*Чернышев В. М.,
доцент КДА*

Церковь и культура

Сегодня ни одно понятие не подвергается таким искажениям и подделкам, такой изощренной словесной эквилибристике и всевозможным спекуляциям, как понятие культуры.

Самое удивительное то, что в настоящее время намечается тенденция рассматривать как часть культуры саму религию. Поэтому нам необходимо внести некоторую ясность и очертить общие контуры того универсального явления, которое называется культурой.

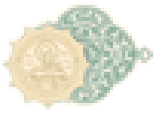
Во-первых, под культурой мы подразумеваем определенный уровень человеческих знаний: социологии, философии, литературы, живописи, архитектуры, музыки, в том числе — материальные памятники разных эпох, общественный уровень современной жизни.

Во-вторых, культура — это творческая способность определенного народа, его традиции и особенности, т.е., если так можно выразиться, земное лицо этноса.

В-третьих, культура — это область взаимоотношений между людьми, этические нормы — это правила человеческого поведения, точнее довольно сложная исторически оформившаяся знаковая система общения людей друг с другом.

Поэтому религия и культура — понятия вовсе не тождественные. В глазах христианина культура похожа на жемчужину. Она возникла как следствие болезни человечества. Культурой мы обволакиваем грязь, попавшую в наши души. Слоями культурного перламутра мы заслоняемся от пустоты, вторгшейся в нашу жизнь.

По большому счету, культура — это следствие грехопадения. Ведь культура создает вторичный мир, по сути — вторичную реальность. Это искусственный мир символов, с помощью которых человек очеловечивает этот мир, в который он сам же вверг себя грехом. Священное Писание и опыт совести говорят, что смерть есть следствие греха и возмездие

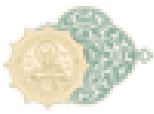

за грех. Грех разбивает единство людей с Богом, с миром, с ближними и с самим собой. В Божественном замысле изначально Дух человека должен был жить Богом, душа — духом, а тело душою. В результате грехопадения этот порядок был разрушен и все поменялось местами: оторвавшись от Бога, природа человека становится неестественной и противоестественной, дух начинает паразитировать на душе, питаясь ценностями небожественными (не Его заповедью); душа, в свою очередь, становится паразитом тела — поднимаются страсти (похоть плоти), тело же становится паразитом земной вселенной — убивает, чтобы питаться, — и так обретается смерть. Когда мы читаем, что Ева «увидела», то это понятие очень емко. Каждый знает, как иногда соблазн врывается в душу и запечатлевается в ней. Это импринтинг — запечатление, которое служит импульсом для дальнейшего поведения. Здесь душа забывает о своей связи с Источником жизни и желает лишь удовлетворения своих вожделений. Душу человека, ее таинственную сущность можно уподобить глубокому колодезю, из неведомых истоков которого исходят все влечения человека.

Это тардема — глубина человеческой души. Экстасис — это ее высота. Это как два полюса души, связуемые единой осью, но это не духовное, а душевное. Экстасис (производное — «экстаз») — присутствует не только в любви, в близости полов, он — не дитя рассудка и разума, но дитя той тардемы, о существовании которой внутри себя человек лишь догадывается, чувствуя в себе ее силу помимо сознания¹⁰³. Поэтому все величайшие произведения искусства (от слова «искус») зарождались из тардемы, а не из рассудка. Это как бы попытка «вспомнить» утраченный рай, прорваться через подсознательное к идеалу, утерянному через грехопадение, к той красоте и гармонии, которая утрачена навсегда. Поэтому любой шедевр живописи, музыки, архитектуры — это вырванный из нашего подсознания осколок вечного, но лишь осколок той восхитительной, неизреченной, пронизанной любовью мозаики Эдема, потому что целостная картина утрачена навсегда. Этот фрагмент искусства не складывается из кирпичиков знания, а вырывается откуда-то из глубины. Рассудок здесь как бы спит, но, просыпаясь, любитесь, подобно проснувшемуся Адаму, тем, что возникло из глубинных недр души. Разве, например, «Поэма экстаза» Скрябина родилась из разума, а не в тардеме души? Душевное, вырвавшееся вовне, зародилось в глубоком сне его «я».

Отныне, не видя Лица Божия непосредственно, человек создает Его образы (иконографические, богословские). Это и есть собственно культурное творчество — создание системы образов для частичного постижения первичной реальности.

¹⁰³ См.: прот. Николай Иванов. И сказал Бог. Изд. Христианская жизнь. Клин, 2005.

Чем же религиозное мировоззрение отличается от культорологии и философии?

По двум основным принципам. Первый принцип состоит в исповедании личного, духовного и совершенного Начала, являющегося Личностью, Первопричиной всего существующего, в том числе и человека. Этим положением религия принципиально отличается от других мировоззрений, для которых искомый идеал объективно не существует, но является не более как теоретической модалью или фантазией ума. Вторым важнейшим элементом, присущим религии, является убеждение в том, что человек способен к общению с Богом и вечным с Ним союзом. Как известно, формой такого общения является молитва (Молитва — это одновременно искание Бога и встреча с Ним, переходящая в общение. Это нетварная Божественная энергия).

И точно так же как знание о Боге, владение богословской диалектикой и эрудированность в тонкостях патристики не могут заменить собою таинства реального соединения с Богом (как в Евхаристии) — так же и самая виртуозная культура самопознания не может глубоко исцелить человека, воссоздать в нем «целомудренность»¹⁰⁴.

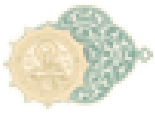
Поэтому искусство — это душевное, которое стремится отобразить духовное или даже его подменить собою, поэтому этот поиск творческих исканий непрерывен, жаждя гармонии ищет все новых горизонтов; красота же всегда евхаристична и требует тоже Своей воплощенности, поэтому этот поиск всегда в динамике, в «невыразимости творческих мук», тогда как богословие является подлинной «живой водой», от которой больше уже не жаждешь. Хорошо о подлинной Красоте сказал Бальмонт:

Одна есть в мире Красота,
Любви, печали, отречения
И добровольного мученья
За нас распятого Христа.

Сегодня многие говорят о гуманизме, стремясь им также подменить веру. Но и гуманизм, по сути, не имеет подлинного содержания. Абстрактные «общечеловеческие ценности» не ведут человека никуда. Гуманистическая система закладывает основы неизбежной порочности человека и общества: поскольку критерий истины переносится из сакральной сферы в область человеческого своеволия, то никакого единства истины, как и нравственного единства, быть при господстве таковой системы не может. К сожалению, это понимают далеко не все.

Итак, Церковь и культура — понятия вовсе не тождественные. В основе существования Церкви лежит Божественное Откровение. А культура — сложный продукт человеческой деятельности и истории. Объектом церковной жизни, ее конечной целью и главным содержанием является

¹⁰⁴Петр Дамаскин, преп. Поучения. 2, 18.

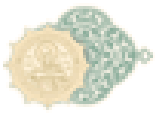

Сам Бог Творец, точнее, мистическая любовь между человеком и Богом, через которую человек включается в вечную жизнь и становится причастником божественных совершенств. Объектом же культуры является земная жизнь человека; цель и содержание культуры заключаются в реализации себя человеком через интеллектуальную деятельность, нравственные принципы и нормы поведения. Иными словами, Церковь — обращенность души к Богу и реалиям вечности, а культура — обращенность души к земле и бытию во времени. Имеет ли отношение к культуре Церковь? Имеет, но не прямое, а косвенное. Христианство подняло человеческую личность на недоступную для языческого мира высоту; оно освободило личность человека от насилия коллектива, дало ему возможность нравственной свободы и силу для осуществления этой свободы. Оно послужило критерием для переоценки прежних моральных ценностей, раскрепостило человека, положив в основе взаимоотношений между людьми не насилие, не регламент внешних мелочных предписаний, а любовь. В этом отношении христианская Церковь дала культуре новый импульс. Но ни одно общество никогда не было полностью христианским, и даже лучшие представители самой Церкви только шли по пути к идеалам Евангелия. Церковь поэтому имеет двойственную природу, богочеловеческую. Немошная сторона Церкви — это мы, приходящие в Нее как в лечебницу для исцеления от грехов. А торжествующая сторона — не церковные немощные люди, но Сам Христос, пребывающий невидимо в Своей Церкви. Хотя некоторым со стороны кажется, будто Церковь — это сплошная казарма, некая закрытая организация, существующая исключительно для «посвященных». Либеральная пресса так и пишет: «Вместо коммунистов сегодня пришли попы». И, соответственно, люди боятся попасть во «вторую КПСС». Поэтому сегодня православным миссионерам так важно показать, что пространство Церкви — это пространство мысли, пространство дискуссии, что мы признаем за человеком право на ошибку. Если человек ошибся, то за этим не последуют оргвыводы, запреты, анафема. Есть, конечно, вещи, в которых мы, безусловно, должны быть едины, а есть пространство разнообразия. Здесь мы должны отвергнуть «категорический императив» Канта: «А что будет, если максима моей воли станет всеобщим законом мироздания?».

Первое из последствий грехопадения, описываемых в Библии — это взаимоотношение людей. «И увидели они, что наги, и устыдились». Стыд рождается от ощущения чужого взгляда, осознаваемого именно как чужой. Не стыдятся родных. Как говорил прп. Исаак Сирин — «Любовь не знает стыда»¹⁰⁵.

Культура наводит мосты между разошедшимися душами. Правила этикета и общественные законы, слова и книги учат нас, «обломков Адама»

¹⁰⁵ Исаак Сирин, преп. Творения. Сергиев Посад, 1911. С. 421.

(по слову блаж. Августина) мирному и взаимопонимающему сосуществованию. Если бы мы могли понимать друг друга от сердца к сердцу — нам не нужна была бы культура. Любое общение людей стремится перерасти за слова. Ведь по-настоящему близкие люди, которые могут вместе молчать, передают свои ощущения и мысли от сердца к сердцу, минуя слова, минуя культуру. То, что нам так трудно понять собеседника, есть следствие греха, и из этой трудности рождается культура как сложное искусство речи (художественной, философской, музыкальной и т.д.), обращенной к другим. В принципе, каждый человек знает, что бытие полнее наших слов о нем. Культура лишь создает слова о бытии, затем она эти слова затирает до штампов и ищет новые слова и образы, чтобы вернуть значение прежним, или, чтобы с помощью слов сказать, по сути, о том же самом. То есть, если человек забудет, что культура — не более, чем очки, и начнет слишком пристально всматриваться в оптические линзы, забыв, на что они направлены, он впадет в состояние, названное у отца Георгия Флоровского «ересью эстетизма». О том же говорил и Николай Бердяев: «...человек потерял доступ к Бытию и с горя начал познавать познание»¹⁰⁶.

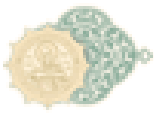
Таким образом, культура, созданная человеком — вторичный мир, и его создание свидетельствует о конфликте с миром исходным, созданным Творцом. Культура творится человеком, а Церковь ставит человека перед лицом того, что находится по ту сторону культуры, за пределами человеческой реальности.

Николай Бердяев писал: «Культура по глубочайшей своей сущности и по религиозному своему смыслу есть великая неудача. Философия и наука — неудача в творческом познании истины; искусство и литература — неудача в творчестве красоты; семья и половая жизнь — неудача в творчестве любви; мораль и право — неудача в творчестве человеческих отношений. Культура во всех ее проявлениях есть неудача творчества, есть невозможность достигнуть творческого преображения бытия. Культура кристаллизует человеческие неудачи. Все достижения культуры — символические, а не реалистические. В культуре достигается не познание, а символы познания, не красота, а символы красоты, не любовь, а символы любви, не соединение людей, а символы соединения, не власть над природой, а символы власти. Культ — религиозная неудача, неудача в богообщении. Культ был лишь символическим выражением последних тайн»¹⁰⁷. Таким образом, отпадение от Бога и обращенность к земле создало культуру и выразилось в ней.

Конечно, мы не хотим охарактеризовать культуру одним общим знаком отрицания. Только лишь напоминаем, что это недифференцированное понятие стало сферой всевозможных спекуляций, и в нем хотят раство-

¹⁰⁶ Кураев А., диак. Школьное богословие. СПб., 2000. С. 61.

¹⁰⁷ Бердяев Н. Смысл творчества. ИМКА-ПРЕСС. 1991. С. 358.

ритель, ассимилировать и уничтожить без остатка то высшее, что имеет человек — Божественное Откровение. Современность стремится растворить человека в мире газет, пописы, гороскопов, Интернета — она создает свою «виртуальную реальность», требуя от человека забыть о той работе, которую лишь он сам может и должен совершать внутри себя. «У меня может быть право не быть современным?» Не быть современником политических авантюристов, пройдох, бизнесменов, информационного ширпотреба? Могу ли я иметь право остаться современным Пушкина, Достоевского, Гомера, святоотеческой богословской мысли? Здесь может быть общая задача у подлинной культуры и Церкви: вырвать человека из плененности сиюминутным, из-под гнета такой «современности» и «дать ему возможность отдышаться под высокими сводами Традиции»¹⁰⁸.

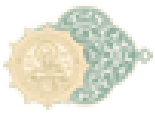
Обычно тех, кто критически смотрит на душевную (не путать с духовной!) жизнь современного общества, кто видит в истории культуры не прогресс, а нарастающую энтропию, как правило, наделяют такими унижительными кличками, как «невежда», «фанатик», «ретроград», «обскурант» и т. д. Но это по сути метод психологического террора и призыв к ответственности изгнать из своей «культурологической» среды церковников как париев и маргиналов. Нам обычно в этом случае говорят, что человек должен быть образованным и просвещенным. В этих словах сокрыт этимологический корень этих слов — «о б р а з» и «с в е т». Как раз противоположностью образования служит не слово «незнание», а слово «безобразие» — потеря образа, бесструктурность, хаотичность — это отсутствие в душе о б р а з а Божия, т. е. человек живет без образа Божьего в своей душе, он просто о б р а з о в а н е ц, а не образованный человек.

Антиподом же слова «просвещение» является мрак, затемнение сущности, потеря правильного ориентира.

Слово культура означает «умение почитать, умение уважать». Но истинно уважать человека можно только как образ и подобие Божие, как бессмертный дух, как явление вечности. В этом смысле мы можем называть культуру (в ее призвании почитать человека) религиозной. Но так как культура — явление общественное, то для нерелигиозного или многоконфессионального общества критерием культуры может стать уважение к человеку, его убеждениям, основанное на чувстве солидарности и принципе права. Но насколько современная культура отвечает этому принципу и задаче? Может ли православный христианин, не желающий идти на компромисс со своей религиозной совестью, найти здесь свою нишу?

Обратимся к современному искусству и литературе, т. к. многие авторы пытаются их представить христианскими. Скажите, какие великие произведения искусства дало наше время? Могут ли они сравниться с произведениями хотя бы прошлого столетия? Чтобы нести христианские идеи,

¹⁰⁸ Кураев А., диак. Школьное богословие. СПб., 2000. С. 69.

сама интеллигенция должна быть христианской, но многие ли ее представители ведут церковную жизнь? Редкие единицы. Как может из кувшина литься вода, которую туда не налили? Сегодня мы можем видеть, как разрушаются исторические традиции народа. Посмотрите, чем заполнены витрины и полки книжных магазинов. Они заполнены тем, что востребовано у населения — комиксы, журналы, криминальные описи, порнофильмы и мистика. Даже классическая литература почти не издается. Она не востребована. А рынок диктует то, что отвечает спросу. А спросу отвечает поток крови и грязи, обезличивший и обезчеловечивший людей нашего времени, уничтожающий народные и национальные традиции, извращающий чувства человека и лишаящий его представлений о христианской нравственности. Даже выставочные залы сегодня наполнены специфической тематикой: современный авангардизм порождает чувство безысходности, тупик, тлен и гибель. На таких полотнах чаще всего появляется человек в образе распадающихся конструкций.

Современная музыка — это вообще отдельный разговор. Поп, рок, рэп и т.д. своими ритмами порождают массовый психоз и истерию. Кто скажет: это культура или антикультура? Но когда Церковь выступает против этого, ее обвиняют в обскурантизме.

Искусство — это сопереживание, некий эмоциональный гносис. Человек, читающий, слушающий, созерцающий, сопереживает чувствам и страстям персонажей. Эти страсти проходят через его сердце и сознание, он соучаствует в них. Свет христианства показал безобразие языческой красоты. Античная («сеющая в плоть...») классика предлагает во имя земного божества культуры восторгаться самоценной красотой, изваяниями Венеры, воспевающей торжество плоти, воплотившей обольстительное сладострастие, или же идолами индийского, малоазийского, гималайского пантеона, африканских ритуальных масок и языческих артефактов — воплощением демонизма.

И здесь одно из двух: или должно притупиться религиозное чувство человека, или следует с отвращением отвернуться от этой фантазмагории.

Церковь же научает человека внутренней борьбе за чистоту помыслов, мыслей, желаний, которые воплощаются в словах и делах, борьбе с грехом, таящимся в недрах человеческого сердца и с темным демоническим началом, стремящимся подчинить себе человека через страсти или его гордыню. Сводить мир человека к миру культуры неверно. Как пишет диакон Андрей Кураев: Можно ли сказать, что Троице-Сергиева Лавра является центром древнерусской культуры? Да. А можно ли сказать, что основатель Троице-Сергиевой Лавры преподобный Сергий Радонежский ушел в пустыню, чтобы создать центр древнерусской культуры? Нет¹⁰⁹.

Современная культура подошла сегодня к глубокому кризису, и в основе этого кризиса лежит крах гуманизма. Наше время во многом подоб-

¹⁰⁹ Кураев А., диак. Школьное богословие. СПб., 2000. С. 74.

но времени падения античного мира и ожидания нового религиозного света. Внутри культуры, склоняющейся к упадку, пробуждается сегодня религиозная тоска. Изнутри всех сфер культуры, всех ее разделных частей: философии, искусства, нравственного сознания, общественных движений — начинается движение к религиозному преображению, к религиозному творчеству. Но тоска по подлинному творчеству соединяется с творческим бессилием. Произошло глубокое отравление ощущением пошлости и уродством культуры, переболевшей безбожным безвременьем, но заразившейся пошлостью и уродством жизни. Теперь в ней пробудилась пожирающая похоть жизни, которая истребляет священную символику древней культуры. Мы уже выше сказали, что культура есть неудача «жизни». Она заменяет жизнь и бытие символами.

Наша историческая судьба — это совсем особенная судьба, не похожая на судьбы других народов. Мы непонятны людям Запада. В своей истории мы не проявили такой человеческой активности, как они, но мы острее ставили религиозную проблему человека. Величайший наш гений Ф.М. Достоевский весь в постановке этой проблемы. У нашего человека всегда была тоска по религиозному преображению жизни. И вся наша литература пронизана этой тоской и полна волей к религиозному преображению жизни. Это обнаружилось в судьбе Гоголя, Достоевского, Толстого. Этим полна религиозная мысль, начиная с Чаадаева и славянофилов до Владимира Соловьева, К. Леонтьева, Н. Федорова, Н. Ильина, до более поздних религиозно-философских течений. У славян всегда была жажда преображения культуры в Церковь, достижения высшего бытия.

Вопрос здесь состоял о подлинной свободе человека. Однако свобода человека укоренена не в человеке, а в Боге: когда в человеке действует энергия, побуждающая его превзойти себя самого и придти к Богу — тогда человек становится по-настоящему свободен («И истина сделает вас свободными»).

Чем бы мы могли сегодня хвалиться? Чем мог похвалиться Израиль?

У него не было блестящего и образцового Римского права; не было у него высокого неподражаемого Греческого искусства (театра, архитектуры и скульптуры); не было удачной и продуманной Финикийской торговли — Израиль не имел ни того, ни другого, ни третьего, — но он был богат Богом.

Сегодня мы не можем иметь такую автоиндустрию как Германия, мы никогда не догоним в радиоэлектронике Японию, мы никогда не сможем внедрить нанотехнологии в промышленность в масштабах США или достигать подобного же технологического уровня в сотнях отраслей Западной Европы — но зато мы можем богатеть в Боге.

Для православного сознания тот журавль в небе всегда будет дорожкой зажатой в ладони синицы. Мы всегда можем сказать от всего сердца устами Давида: *Господь Пастырь мой, и я ни в чём не буду нуждаться...* (Пс. 22:1).

Так утверждает евангельское определение: *Где Дух Господень, там свобода* (2 Кор. 3:17)

Так подтверждают слова Бальмонта: «Всё ложь, что вне Его завета, и всё то правда, что Христос».

Наше недавнее прошлое — это советские писатели в своей массе поменявшие профессию крестьян, рабочих, люмпенов, колхозников, летчиков, отставных военных, врачей. Поведенчески они почти ничем не отличались от народа, из которого вышли. И даже сознание собственной своей значимости, хотя и наложившее определенный отпечаток на их поведение и речь, тем не менее, вполне соответствовало строгим канонам советской жизни. Советская культура была создана по типу мифоритуальной структуры, где в качестве тотема выступала «народная власть большевиков», во главе которой стоял «символический отец» — Ленин, в качестве ритуальной оппозиции выступали «враги народа», а «инициацией» служили ритуалы приема в октябрята, пионеры, комсомол и партию, оказывающие свои «магические воздействия» на этих «посвящаемых», в результате чего повышался их духовно-социальный статус. Современная «творческая жизнь» состоит теперь в неприятии режима «совдепии», в противостоянии идеалу советского человека с его морализаторскими установками, а «джентльменский набор» периода «оттепели» — это портрет Че Гевары на стене, ночной кофе с неизменными сигаретами, американские джинсы, купленные по заоблачной цене у спекулянтов, бесконечная череда адюльтеров и попок, вольные артистические бдения. Именно здесь, в недрах этой богемы, часть которой благополучно состоялась в качестве советских деятелей культуры, часть растворилась в эмиграции, а часть просто спилась, — вызревал «аденграунд» — подпольное течение, которое вынырнуло на поверхность в эпоху «перестройки» и «гласности», а к концу XX века **сделалось доминирующим** и известным под названием постмодернизма¹¹⁰.

Культура есть самосознание человечества в его истории, и отвергающие культуру, отвергают и историю, в которой совершилось Боговоплощение. Отвержение истории всегда чревато сектантством и ересью. Поэтому культуру нельзя отвергать — в ней надо жить и преобразать ее изнутри.

¹¹⁰ Николаева О. Православие и свобода. Троице-Сергиева Лавра, 2002. С. 380.